

У. В. Золотова

Тверской государственной университет, магистрант

Научный руководитель: к.ф.н. Е. П. Денисова

ПРАВО В АСПЕКТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Исторически язык и право тесно связаны друг с другом. В современных обществах большинство норм права являются писаными. Они формулируются в законах или могут содержаться в судебных решениях. Огромному корпусу писаного права, существующему сегодня, ещё более долгое время предшествовало неписаное право. Это право отличалось большей общественной ценностью, а главное – большей результативностью, чем его более поздняя письменная версия.

В любом народе до письменного законодательства существовало законодательство устное: словесные законы, которые были основаны на поверьях, обычаях и нравах. Часто они не теряли свою силу при появлении писаного права. Юридическая сторона наказания не могла быть сравнима со страхом стыда и морального посягательства [Темнов 2010: 183].

Населявшие средневековую Европу народы, не знакомые с книгами и письменными законами, опирались в своих отношениях на здравый смысл и отеческие обычаи. Свои уставы они выражали при помощи кратких и метких изречений, которые существовали в виде песен и пословиц, которые германцы, ориентируясь на опыт покорённых ими римлян, декламировавших свои уставы речитативом, распевали их, как самые настоящие песни. Германцы называли свои уставы судебными правами (Rechte) [там же: 186].

Наиболее влиятельным средневековым германским судебником является «Саксонское зеркало» (Sachsenspiegel), представлявшее собой изложение местного, ещё не записанного права Саксонской земли.

Так, в стихотворном введении «Саксонского Зеркала» его составитель говорит следующее:

«Dieses Recht hab ich selber nicht erdacht,
es habens von Alters aus uns bracht
unsere gute Verfahren».

Из выше сказанного представляется возможным сделать вывод о том, что язык и право объединены феноменом устности. Термин «устность» пришёл в филологию из правоведения. Это слово вошло в русский литературный язык во второй половине XIX века как публицистический термин. В это время широкое распространение получает абстрактная лексика, одной из морфологических особенностей которой является наличие таких словообразовательных суффиксов, как *-ство*, *-ние*, *-ость*, чему в немецком языке соответствуют суффиксы *-heit*, *-keit*. В этот ряд вписывается и слово «устность» или «Mündlichkeit» [Самуйлова 2012: 2].

Взаимосвязь с терминологическим корпусом права становится очевидной, если обратиться к словарным дефинициям и переводам слова «Mündlichkeit» на русский язык. Так, согласно Энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона «устность процесса – выражается в том, что все доказательства, допускающие по природе своей словесную форму, представляются суду именно в этой форме, причем объяснения между судом и сторонами в судебном заседании происходят устно» [Брокгауз, Ефрон: URL].

Именно на вторую половину XIX века приходится расцвет устного судебного разбирательства, когда судебная реформа 1864 года узаконила гласность, публичность, состязательность обвинения и защиты, то есть устность судебной процедуры. Апелляция к устности отражается и в судебных клише: «Слушается дело...» / «Der Fall wird verhandelt» / «steht zur Verhandlung...» [Самуйлова 2012: 3].

Рамки соотношения «язык – право» могут быть расширены за счёт введения в поле научного интереса продукта словесного художественного творчества – литературы, которая нередко бывает наполнена правоведческими коллизиями. Так, существует несколько форм взаимодействия права и литературы: «специальная правовая литература» (экспертная языковая оценка), «художественная литература в правовой перспективе» (правовое поле существования литературных произведений), «право в аспекте литературного художественного творчества» (беллетристическое отражение атрибутики, символики и процессуального отправления права). Последний аспект предполагает исследование отражения актов судопроизводства в литературе, при этом особое внимание уделяется художественной адаптации уголовных процессов. В качестве примера далее будут рассмотрены фрагменты художественного текста, а именно – романа А. Цвейга «Спор об унтере Грише» («Der Streit um den Sergeanten Grischa»).

Роман был написан А. Цвейгом в 1927 году и является частью его незавершённого цикла «Великая война белых людей» («Der große Krieg der weißen Männer»). Произведение представляет собой осуждение немецкого милитаризма и военщины. Само название романа направляет внимание читателя на столкновение между добровольными защитниками главного героя и бездушным механизмом немецкого военного суда. Основное повествование здесь сводится к судебной ошибке и борьбе между теми, кто поддерживает смертный приговор, вынесенный герою, и теми, кто добивается его отмены.

Одним из первых фрагментов включения правоведческого мотива в рассматриваемый художественный текст является доклад адвоката Познанского:

Оригинал	Перевод
Der <i>Fall</i> Bjuschetw liegt vollkommen klar... Die Ortspolizei haben den russischen Infanteristen Pja Pawlowitsch Bjuschetw vom siebenundsechzigsten Infanterieregiment unge-	Дело Бьюшева совершенно ясно... Местная полиция захватила в состоянии сна Илью Павловича Бьюшева, русского солдата шестьдесят седьмого пехотного полка,

fähr hundertsechs Kilometer hinter der Front in der Umgegend von Merwinsk, draußen in der Datschenvorstadt, in einem leeren Hause einquartiert, schlafenderweise gefangengenommen.	приблизительно в ста шести километрах от фронта, в окрестностях Мервинска, в нежилом доме дачного посёлка.
--	--

Рассмотрим представленный фрагмент текста романа с точки зрения его стилистических особенностей и сравним его с переводом на русский язык А. Ариан. В обоих отрывках наблюдается терминологическая точность и подробность изложения, присущая юридическому тексту. Главное различие заключается в грамматическом оформлении фрагмента исходного текста и перевода. Так, в оригинале следует отметить употребление А. Цвейгом характерной для письменной речи формы Konjunktiv I («Die Ortspolizei habe... gefangengenommen»), с помощью которой автор передаёт прямую речь – показания самих сотрудников полиции об аресте, внесённые в протокол разбирательства. Именно с помощью этой грамматической формы устная речь отражается в письменном виде, что при переводе на русский язык неизбежно оказывается утраченным.

Подобное можно отметить и в следующем отрывке, в котором автор неоднократно использует глаголы в форме Konjunktiv I, тем самым указывая на то, что это передаваемая им речь героев. В переводе на русский язык эти формы не переданы.

Оригинал	Перевод
Aus all dem <i>spreche</i> der klare Sachverhalt, auf den sich der Erlaß des Oberstkommandierenden von Ende Februar dieses Jahres <i>beziehe</i> . Danach <i>sei</i> jeder russische Überläufer, der sich nicht innerhalb dreier Tage nach seinem Übertritt auf das von den deutschen Heeren besetzte Gebiet bei der nächsten Ortskommandantur, dem nächsten Truppenbefehlshaber oder Felswachtkommando <i>melde</i> , unverzüglich vors Kriegsgericht <i>zu stellen</i> und innerhalb vierundzwanzig Stunden nach Urteilsfällung als der Spionage überführt <i>zu erschießen</i> .	Все факты явно говорят за то, что в данном случае должен быть применён приказ главнокомандующего от конца февраля этого года. Согласно этому приказу всякий русский перебежчик, который в течение трёх дней после перехода на оккупированную германскими войсками территорию не заявит о себе в ближайшую местную комендатуру, ближайшему воинскому начальнику или ближайшему полевому караулу, немедленно предаётся военному суду и подлежит расстрелу в течение двадцати четырёх часов после вынесения приговора, как шпион, уличённый в шпионаже.

Отсылка к изначально устному высказыванию главного героя видна и в следующем фрагменте этого же доклада:

Оригинал	Перевод
Weil er zugab, seit Wochen hinter der Front umhergeschlichen zu sein, in der durchaus glaubwürdigen Absicht, seinen Weg bis nach Wilna zu nehmen...	Поскольку он признал, что в течение нескольких недель бродил возле фронтовой полосы, намереваясь, – что вполне допустимо, – пробраться в сторону Вильно...

В обоих фрагментах можно наблюдать непосредственную отсылку к прямой речи – показаниям самого Гриши – глагол «zugeben» / «признавать». Тем самым автор позволяет нам «услышать голос» главного героя.

Ещё один фрагмент рассматриваемого нами художественного текста доказывает устную первооснову права и его ориентированность на моральные принципы. Так, в своей речи адвокат Познанский, с одной стороны, указывает на устный характер имеющего место судебного разбирательства, используя глагол «bestreiten», этимологически несущий в себе семантику правового спора, с другой – ссылается на Ветхий Завет как на источник правовых формул и права как такового. При переводе смысл написанного передан не вполне точно, поскольку переводчик выбирает для слова «bestreiten» совсем иной эквивалент – «касаться».

Оригинал	Перевод
Damit bestreiten wir nämlich die Grundlagen. Rechtsgesetze aus andern als ethischen Gründen sind unsittlich. «Es ist dir gesagt, o Mensch, was gut sei und was dein Gott von dir fordert».	Здесь мы касаемся самых устоев права. Законы, в основе которых лежат иные мотивы, кроме этических, безнравственны. Сказано: «О человек, тебе преподано всё, что есть благо и чего твой бог требует от тебя».

Примечательно, что цитата, приведённая А. Цвейгом в тексте романа, несколько отличается от оригинальной цитаты из Библии. Так, в исходном тексте отсутствует форма «sei», а вместо слова «Gott» употребляется «Herr». Следует отметить, что и в переводе данная фраза, в свою очередь, также отличается от русскоязычного библейского текста. В этой связи представляется возможным предположить, что, используя подобное несоответствие, автор имитирует устный характер высказывания, когда человек может нечаянно немного отступить от оригинала.

С непосредственным проявлением правовой устности мы встречаемся уже в конце романа, когда Гриша изъявляет свою последнюю волю перед казнью:

Оригинал	Перевод
... Man soll ihr sagen, daß ich bis zuletzt an sie gedacht habe, daß ich sie und unser kleines Kind segne und in gutem von ihr Abschied nehme. Sie möge an mich denken und ja keine Messen für mich lesen lassen... Dieses Papiergeld	... Передайте ей, что я думал о ней до последней минуты. Я благословляю её и нашего ребёнка; поминаю её на прощанье добром. Пусть вспоминает обо мне, но не служит обо мне панихид... Эти

<p>hier, dreiunddreißig Rubel und acht Mark, soll man ebenfalls der Babka bringen, die im Krankenhaus liegt und ebendieses Kind bekommt... Ihr <i>gebe</i> man also dieses Geld und von meiner Wäsche die beiden Hemden zu Windeln für mein Kind. Ich wünsche, wenn es ein Junge wird, soll es meinen Namen tragen, wie ich einen Sohn genannt hätte, nämlich Ilja Grigorjewitsch...</p>	<p>бумажные деньги – тридцать три рубля и восемь марок – тоже надо передать Бабке, она в больнице, рожает... Эти деньги, значит, передайте ей, и ещё рубашки из моего белья – на пелёнки для младенца. Если родится мальчик, я желаю, чтобы его назвали Илья Григорьевич...</p>
--	---

В данном случае мы снова наблюдаем употребление формы Konjunktiv I, в некоторых случаях с модальностью, которая служит передаче вежливого косвенного побуждения (глагол *mögen*), что при переводе на русский язык закономерно передаётся при помощи формообразующей частицы *пусть*, используемой для передачи повелительного наклонения.

Таким образом, в рассматриваемом нами произведении мы смогли обнаружить некоторые признаки принципа устности, который является основой любого судебного разбирательства и находит своё отражение в текстах художественной литературы, описывающих судебные процедуры.

Право основывается на обычаях народа, передающих его картину мира, нравственные установки, психологию. Проникновение правоведческих мотивов в произведения художественной литературы – это особенность, которая способствует взаимной интеграции и взаимному влиянию двух гуманитарных наук – литературоведения и правоведения. Присутствие правоведческих мотивов в беллетристике делает возможным ознакомление с условностями и постулатами юриспруденции разных эпох посредством художественных текстов. Язык художественного права имеет свои собственные особенности и отличительные черты, образуя, как авторская имитация, отдельный лингвистический феномен.

ЛИТЕРАТУРА

Самуйлова Л.В. Устность: между языком и правом // Вестник Тверского государственного университета. 2012. № 10 (Филология). С. 133-140.

Темнов Е.И. Звучащая юриспруденция = *Iurisprudentia eloquenta*: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. 560 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/105167/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=1w0a8boipg864385947 (дата обращения: 23.04.2024).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Цвейг А. Спор об унтере Грише. М.: Государственное издание художественной литературы, 1961. 455 с.

Zweig A. Der Streit um den Sergeanten Grischa. URL: <https://anylang.net/ru/books/de/spor-ob-untere-grishe/read> (дата обращения: 13.10.2023).